

Социальные сети как объект психологии и инструмент политики

ЩЕБЕЧУЩАЯ

МАШИНА

революция смысла
в цифровой реальности

Ричард Сеймур

эксперт по мировой политике, писатель, журналист и автор The Guardian,
Jacobin и New York Times, лектор TED

разговоры о будущем

Ричард Сеймур
Щебечущая машина
Серия «Разговоры о будущем»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66978148

*Щебечущая машина:
ISBN 978-5-17-122361-8*

Аннотация

Нам говорят, что социальные сети формируют зависимость. Мы, пользователи, ждем новой медийной сенсации, когда «лайкаем», «шерим» и пишем комментарии. Мы посылаем сигналы в систему, и она отвечает нам, предлагая новый потребительский опыт на основе наших фантазий, желаний и слабостей.

Это бесстрашный взгляд на оборотную сторону цифровой жизни: троллинг, сетевые субкультуры, всевидящего Большого брата и наши личные данные, запасенные на серверах Facebook и Google, с которыми мы щедро делим наше личное время. Ричард Сеймур демонстрирует, что наши сетевые привычки влияют на то, как мы говорим, пишем, думаем.

При помощи методов психоанализа, историй пользователей и мнений экспертов по безопасности в интернете Сеймур показывает, как ведет себя система по отношению к человеку и

в какой мере мы сами несем ответственность за то, что стало с глобальной сетью.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Примечание автора	6
Предисловие	7
Глава первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ричард Сеймур

Щебечущая машина

Посвящается луддитам

© Richard Seymour 2019

© Перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

Примечание автора

Я изначально задался целью не перегружать книгу ссылками и изысканиями. Я хотел, чтобы она читалась, как эссе, и вовсе не собирался вступать в полемику или создавать научный труд. Но для тех, кому нужны факты или кто просто задается вопросом «с чего это он взял?», в конце книги есть библиографическая справка. Если вам вдруг захочется найти источник цитаты, статистику или проверить достоверность других данных, обратитесь к последним страницам и найдите интересующую вас фразу.

Предисловие

На компьютере сплошная писанина. Сплошная писанина в сети – на сайтах, в файлах и протоколах.

Сэнди Болдуин. Бессознательный интернет

Щебечущая машина – это страшилка, хоть и о технологиях, что само по себе ни хорошо, ни плохо. Технология, как говорил историк Мелвин Кранцберг, «не хороша и не плоха, но и нейтральной ее не назовешь».

Мы склонны наделять технологии магическими силами: смартфон для нас – счастливый билетик, планшет – волшебный блокнот. В технологиях мы находим отнятые у нас силы в морализированной форме либо великодушного джинна, либо злого демона. Эти фантазии, будь они плохими или хорошими, отдают паранойей, потому как, предаваясь им, мы оказываемся во власти устройств. Так что, если это и страшилка, то ужас отчасти наводят сами пользователи, к которым отношусь я и, возможно, большинство тех, кто читает эту книгу.

Все напасти, которые ждут нас в Щебечущей машине – зависимость, депрессия, фейковые новости, тролли, онлайн-толпы, ультраправые субкультуры – всего лишь развернутая и увеличенная версия наших с вами социальных проблем. Если мы оказались в зависимости от социальных се-

тей, несмотря на всю их мерзость, а может, и благодаря этой мерзости, как, например, я, значит, что-то в нас стремилось к этой зависимости. И социальные сети дали этому чему-то выход. И если, несмотря на все препоны, мы до сих пор заходим на платформы социальных сетей – а именно так поступает добрая половина человечества – значит, нам это почему-то нужно. Тоскливая литература, сеющая моральную панику и поносящая общество «глупцов» и «постправды», должно быть, упускает жизненно важные детали о предмете своего повествования.

Тем, кто с удовольствием проводит время в социальных сетях, нравится, что интернет дает шанс высказаться и быть услышанным. Сети подрывают монополию на культуру и смысл, которая прежде принадлежала СМИ и индустрии развлечений. Равенства нет – доступ покупается и оплачивается корпоративными пользователями, *PR*-агентствами, знаменитостями и иже с ними, которые могут позволить себе тратить гораздо больше средств на контент – но все же социальные сети дают слово и маргинальным слоям населения, у которых раньше такой возможности не было. Здесь приветствуются находчивость, остроумие, одаренность, игра и творческий подход, правда, порочные удовольствия, включая садизм и озлобленность, также в почете.

Использование социальных сетей подрывает политические системы, но для тех, кто далек от политики, это не такая уж и плохая новость. Однажды раздутая идея *Twitter*-рево-

люции крайне преувеличила роль социальных медиа в массовых восстаниях, после чего ее взяли на вооружение темные силы, начиная с ИГ и заканчивая убийцами и активистами движения за права мужчин (*Men's Right Activists, MRA*). Но бывают времена, когда поток информации между гражданами может изменить все, времена, когда нельзя полагаться на традиционные новостные СМИ, времена, когда возможности социальных сетей могут быть направлены в хорошее русло. И это времена кризиса.

Как бы то ни было, Кранцберг сделал весьма важное наблюдение: технология не может быть нейтральной. И определяющая технология во всей этой истории – письмо. Практика, создающая некую систему отношений между людьми и машинами, без которой невозможна большая часть того, что мы называем цивилизацией. По своему воздействию технологии письма, имеющие основополагающее значение для нашего образа жизни, никогда не будут ни социально, ни политически нейтральными. Любой, кто стал свидетелем развития интернета, распространения смартфонов и взлета социальных медиаплатформ, заметит поразительные перемены. Перейдя из аналога в цифру, письмо стало повсеместным явлением. Никогда прежде в истории человечества люди не писали так много, так неистово: *SMS*-сообщения, твиты, печать большими пальцами в общественном транспорте, обновление статусов во время обеденного перерыва, листание и прокручивание мерцающих экранов в три часа но-

чи. В некоторой степени это связано с изменениями на рабочих местах, где вся коммуникация происходит посредством компьютера, а значит, доля письма на производстве постоянно растет. Несомненно, что сегодня письмо стало важной частью нашей работы, хоть и неоплачиваемой. Но нельзя не сказать, что оно стала еще и новой (или выпущенной на свободу) страстью.

В нас внезапно проснулось *непреодолимое желание писать*, писать постоянно. Поэтому моя история – о желании и неистовстве, а не только о письме. Это история и о том, до чего мы можем дописаться, как в культурном, так и в политическом смыслах. Источник этот неавторитетный, ведь на столь ранней стадии эволюции радикально новой техно-политической системы он просто не может быть иным. Эта книга в той же степени, как и любая другая – всего лишь попытка создать новый язык для размышлений о происходящем. И наконец, раз уж все мы станем писателями, это история, в которой задается простейший утопический вопрос: для чего еще нужно письмо, если не для этого?

Глава первая

Все мы связаны

В будущем нас ждет популизм телевидения и интернета, когда эмоциональное мнение избранной группы граждан будет преподноситься и восприниматься как глас народа.
Умберто Эко. Ур-фашизм

В 1922 году сюрреалист Пауль Клее придумал «Щебечущую машину». На картине тонкие, как палочки, птицы сидят в ряд на валу, который вращается с помощью рукоятки. Под устройством, откуда вразнобой вылетают птичьи голоса, видна окрашенная в красный цвет яма. Музей современного искусства в Нью-Йорке объясняет это так: «птицы выступают в роли наживки и заманивают жертв в яму, над которой нависает машина». Кто-то механизировал священную музыку птичьих трелей, использовал в качестве приманки с тем, чтобы обречь человечество на вечные муки.

1

В начале был узел. До текста были нити.

Цивилизация инков, жившая около пяти тысяч лет назад, хранила информацию, чаще всего для целей учета, с помо-

щью завязанных в узелки цветных нитей. Такие «говорящие узелки», как их иногда называли, читались ловкими движениями пальцев. Узелковое письмо очень напоминает сегодняшний шрифт Брайля для незрячих. Но любое начало, как известно, произвольно. Мы с тем же успехом могли бы начать и с пещерной живописи.

«Китайской лошади» из французского департамента Дордонь больше 20 000 лет. Рисунок незамысловатый. Из животного торчат какие-то предметы, возможно, копыта или стрелы. Сверху абстрактный узор, по форме напоминающий квадратные вилы. Можно с уверенностью сказать, что это некое послание: отметины на поверхности камня должны были что-то для кого-то означать. А можно было бы начать с глиняных табличек, зазубрин на костях или дереве, иероглифов или даже, при очень узком представлении о письме, со священного алфавита.

Я начал с узелков лишь для того, чтобы подчеркнуть важность письма, чтобы показать, что все в этом мире зависит от структуры наших письменных материалов, определяющих форму и контуры того, что может быть написано.

2

В XV веке овцы стали поедать людей. Томас Мор удивлялся, как это животные, «обычно такие кроткие, довольные

очень немногим»¹, могли превратиться в плотоядных. Все-
му виной, по его мнению, были ограждения. Появляющийся
аграрный капиталистический класс решил, что выгоднее
разводить овец и продавать шерсть на международном рын-
ке, нежели позволить жить на этих землях крестьянам. Овцы
ели, люди голодали.

В XIX веке луддиты предостерегали против другого па-
радокса: тирании машин над людьми. Луддитами были ра-
ботники текстильных фабрик, которые заметили, как вла-
дельцы, внедряя в производство машины, ослабляли пози-
ции рабочих на переговорах и еще больше эксплуатирова-
ли их труд. Участники первого профсоюзного движения ве-
ли разрушительную войну: они громили оборудование. Но в
конечном счете все усилия были тщетны, производство все
больше и больше автоматизировалось и переходило под ад-
министративный контроль. Рабочие оказались во власти ма-
шин.

Нечто похожее происходит и с письмом. Сначала, как го-
ворит историк Уоррен Чаппелл, письмо и печать представ-
ляли собой одно и то же: «По сути, и то и другое заключает-
ся в том, чтобы оставить след». Будто письмо – это одновре-
менно и путешествие, и карта, свидетельство того, где побы-
вал разум. Печатная продукция – возможно, первый обще-
признанный капиталистический товар – стала доминирую-
щим форматом публикаций чуть ли не с момента изобре-
те-

¹ Томас Мор. Утопия. Перевод А. И. Малеина.

ния ручного типографского станка, то есть почти шестьсот лет назад. Без печатного капитализма и появившихся благодаря ему «воображаемых сообществ» не существовало бы современных наций. Затормозилось бы развитие современных бюрократических государств. Большая часть того, что мы называем техногенной цивилизацией, а также научные и технологические разработки, на которых она строится, появлялись бынамного медленнее, если бы вообще появлялись.

Сегодня письмо, как и все остальное, подстраивается под компьютерный формат. Миллиарды людей, и в первую очередь граждане богатейших стран мира, пишут столько, сколько не писали никогда прежде, на телефонах, планшетах, ноутбуках и компьютерах. И мы не просто пишем, а пишем о себе. На самом деле «социальные сети» тут совсем ни при чем. Термин «социальные медиа» слишком распространен, чтобы его игнорировать, но мы должны как минимум поставить его под сомнение. Это своего рода форма пропаганды скорописи. Все медиа и все машины социальны. Машины прежде всего социальны и только потом технологичны, как писал историк Льюис Мамфорд. Задолго до цифровых платформ философ Жильбер Симондон исследовал, как инструменты способствуют развитию общественных отношений. Прежде всего, инструмент выступает в качестве посредника отношений между организмом и миром. Он связывает пользователей между собой и с окружающей средой, определяя модель взаимоотношений. Более того, концепту-

альная схема, по которой разрабатываются инструменты, может быть переведена в новые условия, генерируя тем самыми новые типы взаимоотношений. Разговор о технологиях – это разговор об обществах.

Речь идет о *социальной индустрии*. Она способна посредством производства и сбора данных воплощать и измерять жизнь общества в числовом виде. По утверждению Уильяма Дэвиса, впервые, и это уникальная инновация, социальные взаимодействия стали видны и прозрачны: анализируются данные и эмоциональная окраска высказываний. Как результат, жизнь людей как никогда сильнее подпадает под влияние правительства, партий и компаний, покупающих услуги передачи данных. Но более того, они производят социальную жизнь, *программируют* ее. Вот что это значит, когда мы все больше и больше времени тыкаем в экран вместо того, чтобы общаться вживую. Такая наша социальная жизнь регулируется алгоритмом и протоколом. Когда Теодор Адорно писал о «культурной индустрии», утверждая, что культура повсеместно превращена в товар и обезличена, вероятно, это было высокомерное упрощение с его стороны. Даже голливудский конвейер показывал больше вариаций, чем признавал Адорно. Социальная индустрия, напротив, зашла намного дальше, подчинив жизнь общества инвариантной письменной формуле.

Речь идет об индустриализации письма. Речь о коде (письме), который определяет, как мы его используем, данных

(другая форма письма), которые мы при этом производим, и способе, которым используются эти данные, чтобы определить (написать) нас.

3

Письмо повсюду. Наши жизни превратились, как говорит Шошана Зубофф, в «электронный текст». Реальность все чаще и чаще оказывается под контролем микросхемы.

В то время как одни платформы стремятся сделать рабочие процессы индустрии более понятными, прозрачными и потому более удобными в управлении, другие платформы данных, такие как *Google*, *Twitter* и *Facebook*, сосредоточены на потребительских рынках. Они усиливают наблюдение, неожиданно открывая огромные слои скрытых желаний и поведения и заставляя ценовые сигналы и исследования рынка при сравнении выглядеть довольно странно. *Google* накапливает данные, читая нашу переписку, отслеживая историю поиска, собирая изображения наших домов и городов с помощью сервиса *Street View* и фиксируя наше местоположение на картах *Google*. А благодаря соглашению с *Twitter* еще и проверяет наши твиты.

Особенность платформ социальной индустрии в том, что им необязательно за нами шпионить. Они создали для нас машину, которой мы сами все сообщаем. Мы ведемся на возможность взаимодействовать с другими людьми: друзья-

ми, коллегами, знаменитостями, политиками, королевскими особами, террористами, порноактерами – с кем только захотим. На самом же деле мы взаимодействуем не с ними, а с машиной. Мы пишем ей, а уже она передает сообщения, сохраняя при этом все данные.

Машина пользуется сетевым эффектом: чем больше людей ей пишут, тем больше преимуществ она может предложить, и вот уже невозможно оставаться в стороне. В стороне от чего? От первого в мире публичного, коллективного, бесконечного писательского проекта, который воплощается в реальном времени. Виртуальная лаборатория. Вызывающая зависимость машина, которая прибегает к грубым приемам манипуляции, словно ящик Скиннера, созданный бихевиористом Б. Ф. Скиннером, чтобы контролировать поведение голубей и крыс с помощью поощрений и наказаний. Мы – пользователи, такие же «пользователи», как наркозависимые.

Что побуждает нас каждый день часами так неистово писать? Если смотреть на все как на массовую внештатную занятость, то писателям больше не платят и не предлагают подписать контракт на работу. Что же предлагают нам платформы взамен заработной платы? Чем манят нас? Одобрением, вниманием, ретвитами, перепостами, лайками.

Щебечущая машина – это не волоконно-оптические линии связи, не сервера данных, не системы хранения, не программное обеспечение и не код. Это механизм писателей, их

сочинений и петля обратной связи, в которой они обитают. Щебечущая машина живет за счет быстрого оборота, интерактивности и отсутствия формальностей. Протоколы платформы *Twitter*, например, сводятся к ограничению по длине поста в 280 символов, что заставляет людей писать быстро и часто. По данным одного исследования, 92 % всей активности и взаимодействия с твитами происходит в первый час публикации. Лента отличается чрезвычайно стремительным оборотом, поэтому большинство пользователей очень быстро забывают опубликованные сообщения, если только последние не становятся вирусными. Система подписчиков, ответов с @ и цепочек сообщений позволяет упорядочивать и развивать затянувшиеся беседы начиная с первых твитов, что способствует постоянному взаимодействию. Вот за что *Twitter* так *нравится* людям, этим он цепляет своих пользователей: ты как бы пишешь короткие эсэмэски, но всем сразу, на коллективной основе.

Между тем хештеги и «актуальные темы» говорят о том, насколько эти протоколы сосредоточены на массовизации индивидуальных мнений – феномен, который пользователи так восхищенно называют коллективным разумом, заимствованным из научной фантастики – и хайпе. Тот лакомый кусок, который обычно пользуется высоким спросом – это короткий период восторженного коллективного возбуждения в отношении любой заданной темы. И для платформы совершенно не важно, что вызывает ажиотаж: цель – генери-

ровать данные, один из самых выгодных сырьевых материалов, известных на сегодняшний день. Здесь, как на финансовых рынках, волатильность повышает ценность. Чем больше хаоса, тем лучше.

4

Со времен капитализма печатного до капитализма платформенного апостолам больших данных не видится в этой истории ничего, кроме прогресса для всего человечества. По словам бывшего главного редактора журнала *Wired* Криса Андерсона, победа данных возвещает о конце идеологии, о конце теории и даже о конце научного метода.

Говорят, что теперь не нужны ни эксперименты, ни теории, ведь о нашем мире можно все узнать из гигантских баз данных. Для тех, кто хочет услышать что-нибудь прогрессивное, преимущества понятных теперь рынков означают конец рыночного мистицизма. Нам больше не надо верить, как верил неолиберальный экономист Фридрих Хайек, в то, что только рынки, брошенные на произвол судьбы, действительно знают, чего хотят люди. Сегодня платформы данных знают нас лучше, чем мы сами себя знаем, и они помогают компаниям формировать и создавать рынки в реальном времени. Новый технократический порядок предрекает мир, в котором компьютеры позволят корпорациям и государствам предвидеть, реагировать и формировать наши желания.

Такое фантастическое, сомнительное развитие событий возможно только в том случае, если мы с вами будем писать еще больше, чем прежде, и только в таких оригинальных условиях. Оценка использования социальных платформ очень разнится, но, если взять в среднем, как показало одно из исследований, американские тинейджеры проводят перед экраном по девять часов в день: они взаимодействуют с разного рода цифровыми СМИ, пишут имейлы, публикуют твиты, играют и смотрят видеоролики. Старшие поколения отдадут предпочтение телевизору, но времени рядом с ним они проводят ничуть не меньше – до 10 часов в день. 10 часов – большинство людей даже спят меньше. А сколько из нас берет за телефон в первые пять минут после пробуждения? Пятая часть французов и две трети жителей Южной Кореи.

Но мы не только пишем. Много времени тратится, например, на потребление видеоконтента или приобретение причудливых товаров. Но даже здесь, как мы потом увидим, логика алгоритмов означает, что зачастую мы, в известном смысле, создаем коллективный контент. Именно это позволяют делать большие данные: мы пишем даже тогда, когда ищем, листаем, водим курсором мыши, смотрим и переходим со страницы на страницу. В этом странном мире алгоритмизированных товаров, видео, изображений и вебсайтов – от насилия, эротики, анимированных фантазий, предназначенных для детей, на *YouTube* до футболок с надписью *Keep Calm and Rape* («Сохраняйте спокойствие и наси-

луйте») – неосознанные желания, зарегистрированные таким образом, вписываются в новую вселенную товаров. Это «современная вычислительная машина», о которой говорил Лакан: машина «гораздо опаснее атомной бомбы», потому что может победить любого противника, вычислив при наличии необходимых данных бессознательные аксиомы, которые управляют поведением человека. Мы пишем машине, она собирает и объединяет наши желания и фантазии, разбивает их по рынкам и возрастам, а потом продает обратно нам под видом товаров.

И поскольку мы пишем все больше и больше, письмо просто стало еще одной частью нашего экранного существования. Говорить о социальных медиа – значит, говорить о том, что наша социальная жизнь все больше и больше становится средством. Онлайн-заместители дружбы и любви – лайки и им подобное – значительно снижают долю взаимодействия, при этом взаимодействия становятся более непостоянными.

5

Гиганты социальной индустрии любят утверждать, что нет ничего плохого в тех технологиях, которые невозможно исправить другими технологиями. Неважно, в чем проблема, решение найдется всегда: так сказать, аналог «незамысловатого приема».

Facebook и *Google* вложили средства в разработку инстру-

ментов для обнаружения фейковых новостей, а *Reuters* создало свой собственный алгоритм выявления ложных сообщений. Компания *Google* спонсировала британский стартап *Factmata*, который разрабатывал инструменты автоматической проверки фактов, включая, скажем, показатели экономического роста или число иммигрантов, прибывших в США за прошлый год. *Twitter* использует инструменты, созданные *IBM Watson*, которые позволяют выявлять случаи кибербуллинга, тогда как проект *Google* под названием *Conversations AI* обещает находить агрессивно настроенных пользователей с помощью современной технологии ИИ. А поскольку появилось больше людей, склонных к депрессиям и суициду, генеральный директор компании *Facebook* Марк Цукерберг анонсировал новый инструмент для борьбы с депрессиями. По словам Цукерберга, ИИ способен определять суицидальные наклонности пользователей даже быстрее, чем их близкие и друзья.

Но у гигантов социальной индустрии все чаще появляются предатели, сожалеющие о том, что помогали создавать те или иные инструменты. Например, Чамат Палихапития, канадский венчурный инвестор с филантропическими идеями, бывший руководитель *Facebook*, которого замучила совесть. Владельцы технологий, по его словам, «создали инструменты, разрывающие социальную структуру общества». Он обвиняет «кратковременные, дофамин-зависимые петли обратной связи» социальных сетей в том, что они «продви-

гают дезинформацию, подменяют факты» и дают манипуляторам доступ к бесценному инструменту. По словам Чамата, он даже «близко не подпускает своих детей к этой дряни».

Возможно, вам хочется думать, что какой бы ни была темная сторона социальной индустрии, это всего лишь случайный побочный эффект. Но вы ошибаетесь. Шон Паркер, хакер-миллиардер из Виргинии, основатель файлообменной сети *Napster*, был одним из первых инвесторов *Facebook* и первым президентом компании. Теперь же по идейным соображениям Паркер отказался от подобной работы. Платформы социальных медиа, объясняет он, основаны на «петле обратной связи по социальной валидации», что гарантированно позволяет им по максимуму монополизировать пользовательское время. «Именно это придумал бы такой хакер, как я, потому что мы играем на уязвимости в психологии человека. Основатели, создатели... все всё понимали. Но от затеи все равно не отказались». Социальная индустрия породила машину, вызывающую зависимость, не случайно, а осознанно, чтобы вернуть стоимость венчурным инвесторам.

Еще один бывший консультант *Twitter* и руководитель *Facebook*, Антонио Гарсия Мартинес, объяснил возможные политические последствия. Гарсия Мартинес, сын кубинских эмигрантов, заработавший состояние на Уолл-стрит, был продукт-менеджером в *Facebook*. Так же, как Паркер и Палихапития, он не самым лестным образом отзывался о своих бывших работодателях. Особенно Мартинес подчер-

кивает способность *Facebook* манипулировать своими пользователями. В мае 2017 года, после публикации документов, попавших в газету *The Australian*, стало известно, что руководство *Facebook* обсуждало с рекламодателями идею использования алгоритмов для определения настроений тинейджеров и управления ими. Стресс, беспокойства, провалы – *Facebook* собирал все. По словам Гарсия Мартинеса, просочившаяся информация не только была достоверной, но и имела политические последствия. При наличии достаточных данных *Facebook* вполне мог выбрать конкретный слой населения и обрушить на него рекламу: показатель кликабельности *CTR* (отношение числа кликов на рекламное объявление к числу показов) никогда не врет. Но также он мог, и это подтверждает популярный в компании анекдот, запросто «организовать выборы», просто запустив в день *X* соответствующее напоминание.

Ситуация совершенно беспрецедентная, и она так быстро развивается, что мы едва можем отследить, где сейчас находимся. И чем больше развиваются технологии, чем больше добавляется тех новых слоев аппаратного и программного обеспечения, тем сложнее все изменить. Это дает техническим магнатам уникальный источник власти. Как выражается гуру Кремниевой долины Джарон Ланье, им незачем нас убеждать, когда они могут непосредственно манипулировать нашим восприятием мира. Технические специалисты дополняют наши ощущения веб-камерами, смартфонами и посто-

янно увеличивающимся объемом цифровой памяти. Поэтому небольшая группа инженеров способна «с неимоверной скоростью изменить будущее человеческого восприятия».

Мы пишем, и пока пишем мы, пишут нас. Точнее, нас как общество *записывают на жесткий диск*, чтобы мы не могли ничего удалить, не разрушив при этом до основания всю систему целиком. Но в какое же будущее мы себя вписываем?

6

С появлением и распространением сети и моментальных сообщений мы поняли, что любой из нас может стать автором, публиковаться и найти собственную аудиторию. Никто из имеющих доступ в интернет не может быть исключением.

Благая весть для всех – демократизация письма пойдет на пользу демократии. Нас спасет текст, Священное писание. У нас могла быть утопия письма, новый образ жизни. Почти шестьсот лет стабильной печатной культуры подходили к концу, и мир вот-вот должен был перевернуться вверх дном.

Мы бы наслаждались «творческой автономией», свободной от монополий старых СМИ и их однобокого мнения. Мы бы нашли новые формы политического взаимодействия вместо партий, связанных древовидными онлайн-сетями. Внезапно бы собрались массы и обрушились на власть имущих, а потом так же быстро бы рассеялись, прежде чем их наказали. Анонимность позволила бы нам формировать новые лично-

сти, свободные от ограничений повседневной жизни, и избегать надзора. Были так называемые «твиттер-революции», которые ошибочно воспринимали как возможность образованных пользователей социальных сетей обыгрывать изжившие себя диктатуры и ставить под сомнение сказанную ими «стариковскую чепуху».

Но потом почему-то вся эта техноутопия предстала в какой-то искаженной форме. Анонимность стала основой для троллинга, ритуального садизма, агрессивного женоненавистничества, расизма и альтернативных субкультур. Творческая автономия переросла в фейковые новости и новую форму развлекательной информации. Массы превратились в толпы палачей, часто нападающих на самих себя. Диктаторы и другие сторонники авторитарной власти освоили *Twitter* и научились его чарующим языковым играм, как научилось и так называемое Исламское государство, чьи первоклассные профессионалы, владеющие всеми тонкостями онлайн-медиа, делают вид, что все обо всем знают. Соединенные Штаты избрали первого в мире *Twitter*-президента. Киберидеализм превратился в киберцинизм.

За всем этим, как безмолвная машина, скрывалась сеть глобальных корпораций, фирм по связям с общественностью, политических партий, медиакорпораций, знаменитостей и всех тех, кто привлекает бо2льшую часть трафика и внимания. Им тоже, как и усовершенствованному киборгу из «Терминатора-2», удалось с высокой точностью сими-

тировать человеческие голоса, безразличие, иронию и задушевность. Будучи, согласно законодательству США, юридическими лицами, эти корпорации очень тщательно воспроизвели индивидуальность: они скучают по вам, они вас любят, они просто хотят, чтобы вы смеялись – возвращайтесь, пожалуйста.

Публичность, в свою очередь, вознесенная на уровень новой формы искусства для тех, кто обладает большей частью необходимых для нее ресурсов, для всех остальных – отравленная чаша. Если социальная индустрия – это машина, вызывающая зависимость, то аддиктивное поведение при этом можно сравнить с азартными играми – мошеннической лотереей. Каждый игрок доверяет свою жизнь тем или иным абстрактным символам – точкам игрального кубика, цифрам, мастям, красным или черным, картинкам игровых автоматов. В большинстве случаев ответ жесток и незамедлителен: ты неудачник и уходишь домой ни с чем. Настоящие игроки получают некое извращенное удовольствие от того, что выкладывают деньги, ставят на кон всю свою сущность. В социальных медиа ты нацарапываешь несколько слов, несколько символов и нажимаешь «отправить» – кидаешь кости. Через число лайков, репостов и комментариев интернет расскажет тебе, что ты собой представляешь.

Очень интересный вопрос: а что же вызывает зависимость? В теории любой может сорвать куш. На практике не у всех одинаковые возможности. Наши аккаунты в социаль-

ных сетях устроены по типу предприятий, соревнующихся за непосредственное внимание. Если мы сейчас все авторы, то пишем не за деньги, а за удовольствие от осознания того, что нас читают. Настигшую нас популярность, или «трендовость», можно сравнить с неожиданно свалившимся счастьем. Но не всегда «выигрыш» – это хорошо. Приятная атмосфера лайков и одобрений может в любую минут испариться и с молниеносной скоростью перерасти в шквал ярости и нападок. Обычные пользователи, как водится, не до конца понимают, что делать с внезапной «популярностью», так же не способны они выдержать бурю негативной реакции, которая может выражаться во всем, начиная с доксинга – злонамеренного распространения конфиденциальной информации – и заканчивая «порноместью». К нам можно относиться как к микропредприятиям, но мы не корпорации, у которых есть деньги на связи с общественностью и менеджеры. Даже богатые знаменитости могут оказаться жертвой нападок со стороны таблоидов. Каким же образом должны справляться с интернетными скандалами и стервятниками те, кто пишет в *Twitter* из вагона поезда или офисного туалета?

Исследование, проведенное в 2015 году, показало, почему людям так сложно отказаться от социальных сетей. Группу пользователей *Facebook* попросили не заходить на сайт в течение всего девяноста девяти дней. Многие из этих поначалу полных решимости участников не продержались и недели.

Некоторые переключились на другие социальные сети, типа *Twitter*, другими словами, попросту переместили свою зависимость. У тех же, кому удалось остаться в стороне, заметно улучшилось настроение, они перестали интересоваться тем, что думают о них другие люди, а это говорит о том, что зависимость от социальных медиа – это своего рода самолечение от депрессии и способ поднять самооценку *в глазах других*. И действительно, эти два фактора не могут быть не связаны.

Для тех, кто переживает за свое «я», уведомления в социальных сетях выступают в качестве приманки. Они активируют в мозгу «центры удовольствия», поэтому мы *расстраиваемся*, когда показатели посещаемых нами платформ не демонстрируют желаемого одобрения. Эффект привыкания похож на зависимость от игровых автоматов или смартфонов и напоминает «геймификацию капитализма», как называет это явление теоретик культуры Бюн-чхоль Хан. Но дело не только в зависимости. Что бы мы ни писали, мы ищем одобрения со стороны общества. Да, мы жаждем понимания читателей, но также уделяем внимание и тому, что пишут другие, давая себе возможность написать что-нибудь в ответ, за лайки. Возможно, именно это, среди всего прочего, дает начало тому, что часто высмеивается как «показная добродетель», не говоря уже о жестоких противостояниях, чрезмерно острых реакциях, раненом самолюбии и играх на публику, которые неразрывно связаны с социальными сетями.

И все же мы не крысы Скиннера. Даже крысы Скинне-

ра не были крысами Скиннера: модели аддиктивного поведения, демонстрируемые животными в «ящике», проявлялись только у тех крыс, которые находились в изоляции, вне своей естественной среды. Для человека зависимость, как и депрессия, носит субъективный характер. Исследование социальных медиа, проведенное Маркусом Гилрой Вэром, показало, что содержимое наших лент – это гедонистическая стимуляция, различные настроения и источники возбуждения – от *outrage porn* («стремления вызвать у читателей возмущение») до «порнографии» в кулинарии и просто порно – которые позволяют нам управлять своими эмоциями. Однако верно и то, что мы привязываемся к *невзгодам* онлайн-жизни, состоянию нескончаемого возмущения и вражды. Есть мнение, что наш аватар – это своего рода «виртуальный зуб» в том смысле, в котором его описывал немецкий художник-сюрреалист Ханс Беллмер. Когда зубы сводит болью, человек рефлексивно сжимает кулак так, что ногти впиваются в кожу. Мы «отвлекаемся» и «умалюем» боль, создавая «искусственный очаг возбуждения», «виртуальный зуб», к которому приливает кровь и идут нервные импульсы, уводя наше внимание в сторону.

Получается, что, когда у нас что-то болит, самоповреждение помогает сместить центр боли и тем самым как бы уменьшить ее – хотя на самом деле боль никуда не уходит и зуб по-прежнему ломит. Так что, если нас затягивает машина, которая намеренно сообщает нам, помимо всего про-

чего, как к нам относятся другие люди – или к нашей версии, онлайн-образу – значит, что-то в наших отношениях с другими людьми уже пошло не так. Глобальное состояние депрессии – на сегодня это самое распространенное в мире заболевание, рост которого с 2005 года составил 18 % – для многих усугубляется за счет социальных сетей. Среди молодежи наблюдается прямая зависимость между подавленностью и просмотром *Instagram*. Но депрессию придумали не платформы, они ей просто пользуются. И чтобы ослабить их хватку, надо убедиться, все ли хорошо в других сферах нашей жизни.

7

Если социальная индустрия – это экономика внимания, а удача распределяется так же, как между игроками казино, то выигрыш может оказаться самым ужасным событием в жизни. Многие пользователи на собственной шкуре знают, что не любая публичность хороша.

В 2013 году сорокавосемилетнего каменщика из городка Халл, что на севере Англии, нашли мертвым – он повесился на местном кладбище. В *Facebook* на Стивена Раддерхама напала анонимная группа линчевателей, которые решили, что он педофил. Не имея никаких на то оснований, некто взял фотографию из его профиля, вставил в баннер и подписал «Грязный извращенец». Уже через пятнадцать минут

публикация насчитывала сотни репостов. А через три дня гневных писем, угроз убийством и кастрацией Раддерхам закончил с собой.

Всего за несколько дней до этого стало известно, что Чад Леско из города Талидо, штат Огайо, неоднократно подвергался нападкам полиции и оскорблениям со стороны местных жителей, потому что его считали виновным в изнасиловании трех девочек и собственного сына. Впервые ложное обвинение опубликовала бывшая подруга Леско, зарегистрировав для этого фиктивный аккаунт. По иронии судьбы Леско сам некогда стал жертвой своего отца. Подобная травля, которая все чаще и чаще встречается в социальных сетях, – не всегда результат осознанного злого умысла. На Гарнета Форда из Ванкувера и Триза Джефффриза из Филадельфии началась настоящая охота в сети, потому что их спутали с разыскиваемыми преступниками. Форд потерял работу, а под окнами Джефффриза собралась разъяренная толпа.

Возможно, приведенные примеры – это крайний случай, но они прекрасно демонстрируют все те известные проблемы, которые в социальных медиа обостряются еще больше: от фейковых новостей до троллинга и буллинга, депрессий и суицидов. А еще они поднимают важные вопросы относительно работы социальных платформ. Почему, например, столько людей склонны верить так называемым фейкам? Почему никто не остановил толпу и не указал на безумность их мести? Какое удовлетворение видели для себя участники

травли, кроме злорадства над человеком, который идет ко дну или даже умирает?

С одной стороны, считается, что социальные сети в состоянии стереть различия между людьми, с другой, они просто переворачивают с ног на голову обычные иерархии власти и достоверные источники. Присоединившиеся к линчующим толпам ничем не могли подтвердить те убеждения, которым следовали, а лишь ссылались на чьи-то слова. *Чем обвинения более анонимны, тем они эффективнее.* Анонимность обособляет обвинение от обвинителя и любых обстоятельств, контекстов, личных историй или отношений, которые бы позволили провести анализ или копнуть глубже. Начинает преобладать логика коллективного гнева. На определенном этапе уже неважно, действительно ли отдельные участники возмущены. Обвинение просто выдвигается от их лица. Оно живет своей жизнью: катится без цели во всех направлениях, словно ядро, сносящее все на своем пути, словно бестелесный голос, словно домогательство без обидчика, словно виртуальный охотник на ведьм. Стандарты достоверности не просто перевираются, а отделяются от традиционного понятия *человека* как источника свидетельской истины.

Ложное обвинение – это разновидность фейковых новостей. Оно затрагивает вопросы правосудия и требует от людей принять одну из сторон. А поскольку большинство не имеют ни малейшего понятия, что происходит, то ни у кого нет возможности защищать обвиняемого. Наблюдателям

остаётся лишь сохранять тревожное молчание или скрыться в толпе с мыслью: «Упаси меня боже от такого несчастья». В последнем случае вы хотя бы получите несколько лайков за беспокойство.

Социальные сети никак не причастны к появлению линчевателей или показательных судов. Блюстители порядка выискивали вероятных педофилов, насильников и убийц в надежде растерзать их задолго до появления *Twitter*. Люди получали удовольствие от лжи еще до того, как смогли отправлять ее напрямую в свой смартфон. И офисы, и дома полны всевозможных слухов и травли, которые мы наблюдаем онлайн. Чтобы обезоружить интернет-линчевателей, троллей и агрессоров, надо сначала понять, почему такое поведение настолько распространено вне сети.

В чем же тогда роль социальных сетей? Благодаря им среднестатистическому человеку определенно стало проще вводить других в заблуждение, случайным хамам – нападать на свою жертву, а анонимной ложной информации – распространяться с молниеносной скоростью. Но самое главное, Щебечущая машина по-новому обобществила проблему.

8

В 2006 году покончил с собой тринадцатилетний мальчик Митчелл Хендерсон. В последующие дни после трагедии семья, друзья и родственники собрались на его странич-

ке в *MySpace*, чтобы виртуально почтить память безвременно ушедшего.

Не прошло и нескольких дней, как на них напала группа троллей. Сначала троллей забавляло, что Хендерсон незадолго до смерти потерял *iPod*, и они принялись писать, будто его самоубийство было пустой, эгоистичной реакцией на потребительское разочарование: «проблемы первого мира». В одном из постов кто-то прикрепил фотографию настоящей могилы мальчика с лежащим у надгробного камня плее-ром. Но что действительно вызывало у них приступ веселья, так это недоумение и возмущение, которое могли вызвать их действия у ничего не подозревающей семьи. Чем эмоциональнее реакция родственников, тем веселее.

Десять лет спустя одиннадцатилетний мальчик из Теннесси, Китон Джонс, снял душераздирающее видео, на котором со слезами поведал, какие издевательства ему приходится терпеть в школе. Его мать, Кимберли Джонс, разместила ролик на своей странице в *Facebook*, и он моментально стал вирусным, разлетевшись по разным социальным сетям. Известные люди, от Джастина Бибера до рэпера Snoop Dogg, также не остались в стороне и всячески поддерживали этого ребенка, какой-то незнакомец объявил сбор средств для семьи Джонс.

Определенная доля скептицизма относительно данной истории была вполне оправдана. Эмоциональный, «жалостли-

вый» вирусный контент в стиле *Upworthy*² давно стал традицией, в большинстве случаев истории не просто выдуманы, они призваны манипулировать людьми. Такие видео давят на чувства и укрепляют общепринятую мораль. Например, всем известный вирусный ролик, где бездомный мужчина на пожертвованные ему деньги покупает еду для других (а не выпивку), успел собрать 130 000 долларов США, прежде чем его разоблачили. И все же история Китона Джонса не вызвала сомнений и казалась правдоподобной.

Джонса быстро возвели в лик святых, но в одно мгновение все изменилось. Диванные детективы перерыли аккаунт Кимберли Джонс в Facebook и нашли фотографии, где она с улыбкой держит флаг Конфедерации, а также посты, в которых она нелестно отзывается о протесте Колина Каперника, игрока в американский футбол, против расизма. Основываясь на материалах, найденных на фейковой странице в Instagram, ей приписывали откровенно расистские комментарии. Поползли ничем не подтвержденные слухи о том, что Джонса якобы травили за расистские оскорбления одноклассников. Твиты с этим заявлением разошлись по сети сотнями тысяч. Пародийный аккаунт «Джитон Конс», где Джонс изображался в стереотипных цветах «белого отребья», стал вирусным.

Выражаясь языком пользователей социальных сетей,

² Вебсайт с «вирусным» контентом, специализируется на видеороликах и историях, которые «поднимают настроение» и «вдохновляют».

Джонс оказался *Milkshake Duck*³. Он стал одним из тех многочисленных людей, которыми целых пять минут восхищался весь интернет, но которые внезапно впали в немилость из-за случайно всплывшей или выдуманной неприятной истории. Но в данном случае, и не в первый раз, под сомнительным моральным предлогом интернет оказался намного безжалостнее и циничнее, чем самый отчаянный школьный хулиган. Будто в идеализировании человека заранее есть нечто потенциально жестокое и карательное. Будто вся эта слезливо-сентиментальная идеализация и заключается в том, чтобы потопить человека — сначала ставишь его поудобнее, а потом как следует пинаешь.

В то время, как разворачивались все эти события, в США из-за кибербуллинга покончил с собой еще один ребенок. Ашанти Дэвис, над которой, по словам родителей, издевались в школе, узнала, что кто-то разместил в одной из социальных сетей видео, на котором она дерется с другой девочкой, и ролик стал вирусным. Дэвис сильно переживала по этому поводу. Через две недели ее нашли повешенной в туалете. Такая обескураживающая близость этих событий наводит на тревожные мысли. Удержал ли бы «интернет», смог ли бы он в принципе удержать Джонса от суицида, если бы до этого дошло? Хотели ли онлайн-шакалы

³ Сетевой сленговый термин, означающий человека, на которого внезапно обрушивается популярность, но вскоре всплывает неприятная история, из-за которой его так же быстро свергают. — Здесь и далее прим. перев.

просто потроллить скорбящую семью или действительно доставить им горе?

Истории Хендерсона и Джонса коренным образом отличаются друг от друга: в первом случае мы видим маргинальных, субкультурных, аморальных и отдающих себе в этом отчет троллей, которые легки на оскорбления. Во втором случае без троллей тоже не обошлось, но их действия смешались с реакцией миллионов других пользователей, которые отождествляли себя с главным героем, испытывали симпатию, проявляли любопытство к чужим делам, ощущали себя частью чего-то важного, но которых в конце концов накрыла волна возмущения, подозрений и злобы. Троллинг стал носить всеобщий характер.

Троллей, пожалуй, можно распознать по одному признаку: в отличие от большинства пользователей, они полностью осознают и используют совокупный эффект сотен тысяч мелких, незначительных действий вроде твитов и ретвитов. Большинство из тех, кто участвовал в травле Джонса, потратили на это от силы несколько минут. Не было никакой скоординированной кампании: они были всего лишь частью толпы. Они сыграли ничтожную роль в одной «трендовой теме». Ответственность каждого по отдельности во всей этой ситуации была мизерной, и поэтому это потакание их темной стороне, их более агрессивным, карательным наклонностям было небольшим. Однако при поддержке и координировании Щебечущей машины эти неза-

метные акты садизма приобрели чудовищные масштабы.

Как гласит девиз троллей: «Ни один из нас не жесток настолько, насколько жестоки все мы вместе».

9

Приводить такие крайние примеры рискованно, ведь можно вызвать моральную панику по отношению к интернету, а значит, навлечь на себя государственную цензуру. Это было бы историческим ответом орестеевским эриниям: приручить их с помощью «нормы права». Это основано на поддержании традиционной иерархии письма, на вершине которой находится писаная конституция или священный текст, откуда проистекает власть. То, что общество считает приемлемым или неприемлемым, связано с авторитетным, всеми уважаемым текстом. Конечно, норме права никогда не удалось так хорошо сдерживать эриний, как на то надеялись либералы. Маккартизм – преследование инакомыслящих – в Америке середины XX века показал, что деятельность либерального государства позволяет легко наводить политическую паранойю.

Однако сегодня оцифровывание капитализма нарушает эти давно написанные иерархии, поэтому «охота на ведьм» и моральная паника, обряды наказания и унижения все более децентрализуются. Спектакль, который французский ситуационист Ги Дебор определял как преобразование социаль-

ной реальности через образ, больше не устраивается крупными, централизованными бюрократиями. Вместо этого он передан в ведение рекламы, развлечения и, конечно же, социальной индустрии. Это породило новую информационную экологию и новые формы общественности. Изменились модели общественного возмущения. Социальная индустрия не лишила силы написанного в древности права. Она лишь дополнила его уникальным синтезом «присмотра за соседями», круглосуточного развлекательного канала и фондовой биржи. Она объединяет *эффект паноптикума* с хайпом, бездумным нажиманием на кнопки, эксцентричностью и волатильностью финансовых рынков.

Тем не менее либеральное государство плохо справляется с социальной индустрией и вместо того, чтобы сдерживать возмущения в сети, склонно слиться с логикой онлайн-возмущения. Хорошо известны случаи острой реакции государства на заявления, сделанные через интернет. Об одном из таких рассказывает хештег *#twitterjoketrial*: житель Великобритании, 28-летний Пол Чемберс был арестован, осужден и признан виновным за шутку в *Twitter*. Он высказал свое раздражение в адрес местного аэропорта, отменившего рейсы, «угрожая», явно с сарказмом, взорвать все «к чертям». После проведения общественной кампании обвинения с Чемберса были сняты, но сначала он потерял работу. Не такой известный, но не менее нелепый случай, произошел с Аджаром Ахмедом, который в момент гнева, вызванного войной

в Афганистане, написал, что «все солдаты должны умереть и отправиться в ад». Вместо того чтобы расценить ситуацию как эмоциональный всплеск, суд обвинил его в «распространении чрезвычайно оскорбительного сообщения».

Возможно, более наглядны ситуации, когда действия полиции обусловлены негодованиями, вспыхнувшими в социальных медиа. Именно это случилось с Бахар Мустафа, студенткой Голдсмитского колледжа, расположенного на юго-востоке Лондона. Будучи избранным инспектором студенческого союза, она организовала встречу представительниц этнических меньшинств и студентов-трансгендеров. Консервативные учащиеся, возмущенные тем, что вход белым воспрещен, организовали в социальных сетях кампанию с целью разоблачить «обратный расизм» своего инспектора. Поднялась шумиха, и студентку обвинили в распространении твита с ироничным хештегом *#killallwhitemen* («убить всех белых»), доказывающим ее «обратный расизм». Мустафу арестовали, несмотря на ее настойчивые заявления о том, что такого твита она не писала. Вместо того, чтобы отнестись к этому случаю как к повседневному явлению в интернете, Королевская прокурорская служба попыталась привлечь Бахар к ответственности и сняла все обвинения только тогда, когда стало очевидно, что шансы на успех ничтожно малы. Но дело спровоцировало ужаснейшую мультимедийную волну ярости: Мустафу обвиняли в расизме, предлагали «покончить с собой» или отдаться на милость насильникам. Авто-

ры этих твитов, как и множества других подобных постов, не были привлечены к ответственности. Вместо этого закон слился с практикой произвольных негодований, вспыхивающих против отдельных лиц, которых сочли преступившими грань такта и приличия в социальных сетях. Зачастую правовое государство превозносит, а не сдерживает эриний.

Это значит, что органы власти могут реагировать на импровизированные ритуалы общественного порицания и внезапную популярность в медиа. И поскольку социальная индустрия создала *эффект паноптикума*, где за каждым из нас все время потенциально следят, любого человека могут внезапно изолировать от общества и показательно наказать. В онлайн-сообществах это оказывает сильное давление на согласованность читателей того или иного микроблога относительно ценностей и моральных принципов. Но даже приверженность соратников не может быть гарантией, ведь пост доступен всем. Потенциальная аудитория любого размещенного в сети сообщения – весь интернет. Единственный способ органично вписаться в интернет – писать несказанно кротко и банально. И даже если вся ваша онлайн-жизнь заключается в репосте вдохновляющих мемов, жизнеутверждающих цитат и вирусных видеоприманок, вы все равно не защищены от тех, кто докопается до вашей сути и найдет повод для травли. Планомерно тролли ищут то, что можно использовать против своих жертв, любую уязвимость: от скорби до объявлений, будь вы женщина или черный. Троллинг – это

стилизованное преувеличение обычного поведения, особенно в интернете.

Не все так скрупулезно ищут слабые места и придумывают наказания, но многие, осознанно или нет, все же тратят на это свое время. Ситуация еще более усугубляется тем, что человеку свойственно принимать удовольствие, получаемое от агрессии, за добродетель. Покончивший с собой писатель Марк Фишер описывал прогрессивную версию этого явления через затейливую метафору «замок вампиров». В замке, писал Фишер, преисполненные добрых побуждений левые готовы наслаждаться отлучением, осознанием того, что они часть тусовки, возможностью злорадствовать по поводу чужих ошибок только ради того, чтобы «выкрикивать» об оскорблении. Для этого используются чужие политические промахи или даже просто *расхождения во мнениях*. Поскольку никто не безупречен и поскольку для пребывания в социальной индустрии необходимо постоянно быть у всех на виду, под определенным углом наше онлайн-существование — это список характерных особенностей, которыми можно воспользоваться.

И когда эти самые особенности пользователя становятся основанием для новой волны коллективного негодования, они вновь обращают на себя внимание, увеличивают посещаемость и волатильность, а следовательно, и экономическую стоимость социальных платформ.

«Язык есть тайна, – пишет британский религиовед Карен Армстронг. – Когда мы произносим слово, нематериальное обретает плоть; речь требует воплощения – дыхания, контроля мускулов, языка и зубов»⁴.

Письмо требует своего собственного воплощения – зрительно-моторной координации и определенной технологии, позволяющей оставлять на поверхности отпечатки. Мы берем часть себя и превращаем ее в физические надписи, которые переживут нас. И будущий читатель сможет вдохнуть, по словам Шеймаса Хини, «ветер из иного, нездешнего мира». Когда мы пишем, мы обретаем еще одно тело.

Есть что-то сверхъестественное в том, что существует животное с непреодолимым желанием писать, едва различимая точка в глубине истории планеты. Ранние теории письма с трудом могли противостоять желанию видеть в письме божественное, «богодухновенное», как сказано в «Послании к Тимофею». Для шумеров письмо, наряду со столярным делом и металлообработкой, воспринималось как дар Божий – красноречивое сопоставление, будто письмо действительно было еще одной формой искусства, еще одним расписанным полотном, как в цивилизации инков. Египетское сло-

⁴ Карен Армстронг. Библия. Биография книги. АСТ, 2008. Пер. с англ. М. А. Черняк.

во «иероглиф» в буквальном переводе означает «священные письмена».

Примечательно, что древние греки проявляли недоверие к письму, беспокоясь, что оно нарушит связь с божественным словесным искусством и, действуя как мнемонический прием, приведет к лени и обману. И все же они считали письма священными, ведь письмо сохраняло связь с голосом. Историк-религиовед Дэвид Франкфуртер пишет, что буквы их алфавита, те звуки, которые они обозначали, воспринимались древними греками как «космические элементы». Если их петь, можно достичь совершенства. Значит, письмо – не только мнемокод, средство учета и искусство, но еще и нотная грамота, божественная поэзия.

В исторических мифах всегда ошибочно говорилось об отношении письма к голосу. Американский лингвист польского происхождения Игнас Джей Гельб был типичным представителем современников холодной войны: он доказывал, что единственная цель письма – представлять речь, и поэтому алфавиты – это самая высокоразвитая форма письма. Каждая буква в алфавите представляет звук или фонетический элемент. Элементы других письменностей могут включать в себя логограммы, когда целое слово представлено одним элементом, идеограммы, когда концепт представлен без какой-либо отсылки к звукам, необходимым для произнесения слова, или пиктограммы, когда письменный элемент по виду напоминает то, что означает. То, что предпочтение от-

дают алфавитам, прогрессивный миф современности, связано с тем, что они позволяют записать неограниченное количество очень сложных утверждений.

Большая часть письма, которое окружает нас сегодня, не отображает речь. Запись сейсмических данных, нотная грамота, электронные схемы и схемы для вязания, сегодняшние компьютерные программы, интернет-коды и скрипты – *ур*-письменность современной цивилизации— в основном обходятся фонетическими элементами. Более того, наша онлайн-письменность все больше и больше напоминает ребус, рисование небуквенных элементов – эмодзи, галочки, стрелки, указатели, денежные знаки, торговые марки, дорожные знаки и так далее – что помогает быстро передать сложную тоновую информацию. Действительно, чтобы лучше имитировать речь в сетях, мы используем небуквенную нотацию – и в этом заключается один из парадоксов социальной индустрии. Та часть нашей речи, которая относится к тону, интонации и воплощение, и которой мы пользуемся в очной беседе, в буквенной письменности теряется или выражается только с помощью тщательной обработки. Лаконизм смайликов и мемов удобно заменяет голос.

11

В 1769 году австрийский и венгерский изобретатель Вольфганг фон Кемпелен придумал первую модель своей

Sprechmaschine («говорящей машины»).

Это была попытка создать механический аналог артикуляционного аппарата — легкие, голосовые связки, губы, зубы — который сможет воспроизвести акустически богатый, изысканный и разнообразный набор звуков, известный как человеческий голос. С помощью ящика, оснащенного механизмами, вибрирующими язычками, клапанами и кожаным мешком, изобретатель всячески пытался заставить свою машину говорить. Каждый раз этот идиотский кожаный рот нес какой-то вздор, но не издавал ничего даже отдаленно напоминающего речь человека.

Наконец, с появлением телефона проблема эффективно воспроизведения речи была решена. Когда мы говорим в обычный телефон, звуковая волна ударяется о мембрану и заставляет ее вибрировать. Мембрана оказывает давление на маленькую капсулу с угольным порошком, отдельные зернышки которого, соприкасаясь, начинают проводить низковольтный электрический ток. Чем сильнее давит мембрана, тем плотнее прижимаются друг к другу частички угля и тем сильнее электрический поток. И вот с помощью слабого электрического тока голос смог отделиться от тела и чудесным образом появиться на другом конце света.

В некотором смысле это была форма письменности. Звуковые волны наносили схему на мембрану и угольные частицы, которые превращали эту схему в электрический сигнал, пригодный для передачи. Но постоянного следа при этом не

оставалось. Все изменилось с изобретением устройства, которое с помощью письменных инструкций можно было запрограммировать на выполнение серии логических операций – компьютера; изменилась иерархия письма. Когда мы пишем на старой пишущей машинке или ручкой на бумаге, то на поверхности остаются реальные, физические надписи. Даже если процесс механизирован, контуры не будут иметь идеальной формы, к тому же никто не защищен от орфографических и пунктуационных ошибок. На компьютере же ошибки, как правило, выделяются, а форма букв приближена к совершенной. Но надпись при этом остается виртуальной, идеальное представление абсолютно другой письменности, основанной на сложной электронной схеме, жужжащих дисках и тому подобном.

Весь наш опыт взаимодействия с компьютерами, смартфонами и планшетами призван скрыть тот факт, что мы видим письмо. По словам разработчика программного обеспечения Джоэла Спольски, мы сталкиваемся с рядом «дырявых абстракций»: «...упрощение чего-то гораздо более сложного, что происходит под крышкой»⁵

⁵ Джоэл Спольски. Закон дырявых абстракций. Перевод Семёна Хавкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.